

МАНИФЕСТ №30

Знаете, всё меняется к тридцати.
И все, ранее выбранные пути,
Превращаются в дебри и конфетти.

И вот я в замкнутом круге. В каждый год
Найдётся тот, кто скажет, что не везёт.
Но ведь загвоздка в том, что запретов свод
Внезапно перестаёт быть запретным...

А кто там изрёк, что тридцатилетним
Обязательно в паспорте нужен штамп?
Кто решил, что девочке плохо быть вамп,
А всем стихотворениям нужен ямб,
Хорей, анапест и ещё что-то там?

Кто-то провёл границу меж «Нет» и «Да»,
Заявил всем, что правда всегда одна.

Знаете, всё меняется к тридцати,
И правду свою я сжимаю в горсти.
На мои «хочу» не существует «нельзя»:
У каждого свой путь и своя стезя.

Так не принято и не положено?
Вы меня, конечно, простите, но
На всё это вышеизложенное
Должно быть мною давно положено.

Жизнь – моя. Проживаю так, как хочу.
И к чьему я там прижимаюсь плечу,
С кем ночами не сплю, на кого ворчу, –
Вас не касается. Злословить по ртам,

По дальним столам да по грязным углам –
Удел таких вот, как вы, «проповедников».

Даже святых для вас нет заповедников.
Можете замереть очередями,
Попытаться подслушать, как дикари:
Что же там, за закрытыми дверями?
Но это касается тех, кто внутри.

Рамки, что держали меня взаперти,
Предпочла из своей головы снести.
Откуда они там вообще взялись?
От воспитания, прочитанных книг.
Реальность внесла коррективы. «Окстись!
Тыполнишь в Аду котёл забулдыг!»

Не надо кричать и пальчиком тыкать.
Заметьте, не перестала вам «выкать»
Я. Просто вежлива. Уважение?
Испытываете вы терпение
Моё. Нет, не нужны извинения.
Учите жить свои отражения.

Видите, всё меняется к тридцати,
Но сама я решу, как же мне цвести.

СБЫЛОСЬ!

И вот позади все годы хлопот.
И куплен билет, и сделан скриншот,
И за экраном ждёт питерский кот,
И наша встреча случится вот-вот.

И к чёрту этот весь круговорот
Из нескончаемых дел и забот!

Я – лечу! Я впервые лечу,
К твоему чтоб прижаться плечу.
А ведь мир на радость – тот ещё жмот,
Но я получила главный джек-пот:
Чернильными красками расцветёт
Петербург на белых листах души,
Скрывая неудачные чертежи.

А слёзы мои – это счастью взнос:
Получен ответ на давний вопрос.

Он любовью в сердце пророс,
И сбылось всё. Всё-всё сбылось!

* * *

Осень снова вступает в свои права,
И крутятся времени жернова.
Помелют, посеят зёрна-слова
Да в наши с тобою души, сердца,
Чтоб не осталось на них ни рубца.

Ты улыбаешься мне, я – в ответ.
Нам не нужен с тобой чужой совет.
Ты счастлив так, что любовью согрет.
Рада, что могу я сказать: «Привет!»

И взять тебя за руку, и обнять,
И погладить волос зимнюю прядь,
И сказать пару незначащих фраз,
И тобою дышать здесь и сейчас.

В сердце твоём пылает мятежность.
В моём к тебе расцветает нежность.

Однажды брошенное ремесло
Возродить будет трудно. Всё прошло.
Ты не лечишь сломанное крыло,
И наше время с тобой истекло,
Но рядом друг с другом также тепло.

И когда твоё сердце сходит с орбит,
Моё по-прежнему за тебя болит.

ОБОЖДЁМ

Мы с тобой рядом, но мы не равны.
Ты старше и состоялся в жизни.
Я часто хочу сбежать из страны,
Тебе – и город наш безукоризнен.

Люди говорят, что мы – дурачки,
Но держат они за нас кулачки,
Чтоб мы взяли за руки и пошли
По одному пути, хоть на край земли...

А я им лишь улыбаюсь в ответ:
Со стороны же каждый из них ...вед
И сеет в сердце сомнения бред,
Но у меня на это иммунитет.

Мы рядом. Объятия широки:
Не сходимся в рамках одной строки.
Ты поёшь о сумерках, что горьки,
Я вспоминаю про кеды и... шнурки.

ЭМИЛИИ

Я не сдерживал воображение:
Рисовал Богоматерь с твоим лицом.
И пусть осудят меня потом!
Но любовь ведь – благословение!

Я был ранен осколками твоих чар:
Все картины свои – к твоим ногам,
Лишь бы припасть губами к твоим рукам,
Но ты отвергла мой хрупкий дар.

Я художник, и я не признан.
Я мужчина, но любовью изгнан.
Вот бы сердце вырвать из тела,
Чтоб душа моя не болела!

Белый холст заполнился чернотой:
Князь Мира предстал передо мной.
Ужасно-прекрасный, властно-смешной.
«Рисуй же, художник, портрет. Мой».

Кисти дрожали в моих руках,
Но ведом им был отнюдь не страх, –
Безумие! Что стёрло память о всех церквах.
И лишь пальцы дрогнули на глазах.

«Ты смелый и дерзкий мальчик.
Попадёшь в серьёзный журнальчик.
Но на Моём портрете Её глаза...
Тебя мне стоило наказать!»

Демон смеётся жутко-громко и едко-зло:
«Я возьму тебя под своё крыло.
Подарю неограниченные творческие
возможности.
Продолжай рисовать меня. Для надёжности».

И я обезумел, позабыл о своих мечтах.
Рисовал Его портреты на всех холстах.
«Демон страдающий, но лукавый»,
«Дух скорбный, но величавый».

И средь вспышек и мерцаний света
К Его портрету я добавил цвета...
И стал Дух сломлен, как цветок.
И столь же жалок, сколь жесток.

С картин моих Богоматерь и Он
Смотрят глазами, в которые я влюблён.
Думал я, что Демоном заморожен,
Но, оказалось, им же приговорён.

Не стирается с пальцев моих бирюза:
Смерть придёт. У неё будут твои глаза.

ВЕРЛОМСТВО

Этим чувствам не дать названия,
В рамки поля их не загнать.
Они просто есть. И тень узнавания
Мелькает в сердце опять.

«Я пишу тебе реже, чем о тебе думаю.
Белый Король, извини».
– Королева из меня неразумная,
Чёрный Король. Прости.

Поле рассыплется на квадраты,
Зарябит мошкой в глазах.
И не найти виноватых:
Мы на разных фронтах.

Возлюбленный Королевы [в белом]
Навстречу шагает к ней.
Если б могла она – оробела б,
Но на войне нужно быть мудрей.

Разыграна партия: Пешки летят с доски.
Белая армия атакует их мастерски.
Но Чёрные Офицеры заслоняют собой Короля.
И с поля летят Белая [первая и вторая] Ладья.

«Доска остаётся почти пуста.
Мною и сеть уж давно свита.
И стоит мне разыграть гамбит:
Весь Белый строй будет вмиг убит.

Чёрный Король доверяет мне, словно Святой.
Я делаю ход. Он в гневе кричит: «Стой!».
Но вперёд выступает твой Белый Конь:
Чёрное войско повержено. Занимай же трон!»

Чёрная Королева падает ниц, но
Она знала всё. Ей не страшно, но...
Ей не страшно. И никаких «но»!

О ДРУЖБЕ

Мы перестали чувствовать мир вокруг.
Я больше не ношу высокий каблук,
Стала чаще включать сентиментальный звук.
А наши объятия и переплетения рук
Стали причиной разлук.
Я больше не верю, что лучший друг
Разделит со мною всю боль от мук.
У тебя давно свой сложился круг:
Дом, работа, досуг.
Мне проще взять одну из кольчуг,
В которой, хоть сотня вьюг,
Хоть до костей испуг,
А выстою. И не существует таких наук,
Которые бы летний зелёный луг
Всегда оставляли летним.
Так и дружба, какой бы не была многолетней,
Не выживет и не примет никаких средин,
Если за неё сражается только один.